

практики уходят своими корнями в прошлое и опираются на традиции и обычаи. Пересекая границы времени, традиционные практики адаптируются к новым условиям, однако их сущность остается неизменной (например, погребальные практики). Современные практики вызваны изменившимися социальными условиями, предпосылкой их становления и развития, в частности, стало развитие капитализма в конце XIX века. Современное общество – общество XXI века порождает новые социальные практики, развитие которых обусловлено мировыми глобализационными процессами.

9. На наш взгляд, самый распространенный критерий – это разделение социальных практик по сферам: практики правовые, образовательные, медицинские и др.

10. Последний из выделенных нами критериев – это статусно-ролевой критерий. Социальные

практики зависят от статусно-ролевых позиций индивидов и групп, т. е. речь идет о практиках, соответствующих либо не соответствующих им. Трудно представить, чтобы слой топ-менеджеров использовал практику забастовки или голодовки в качестве протеста против сокращения в компаниях в условиях кризиса. А практика «золотых парашютов» как компенсации вполне применима в соответствии с их статусно-ролевыми позициями.

В целом социальные практики – неотъемлемый компонент жизнедеятельности индивидов, социальных групп в социуме. Социальные изменения, а точнее их направленность, зависят от социальных практик акторов, действия и взаимодействия которых, с одной стороны, воспроизводятся в соответствии с нормами, с другой – представляют непрерывный процесс преобразования социальных структур и социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волков, В.В.** О концепции практики в социальных науках [Текст] / В.В. Волков // Социол. исслед. – 1997. – № 6.

2. **Гулыга, А.В.** Немецкая классическая философия [Текст] / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.

3. **Ильенков, Э.В.** Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии [Электронный ресурс] / Э.В. Ильенков. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ilin_vopros/ (дата обращения 27.01.2011).

4. **Заславская, Т.И.** Социальные механизмы трансформации неправовых практик [Текст] /

Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Обществ. науки и современность. – 2001. – № 5.

5. **Она же.** О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса. [Текст] / Т.И. Заславская // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001.

6. **Козлова, Н.Н.** Методология анализа человеческих документов [Текст] / Н.Н. Козлова // Социол. исслед. – 2004. – № 1.

УДК 215

В.П. Горюнов

НАУКА И РЕЛИГИЯ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В рассмотрении проблем модернизации России обнаруживается на первый взгляд странное сочетание: базой технологической модернизации является наука, а основанием духовного прогресса провозглашается религия. Социальная модернизация включает в себя то и другое. Но странного тут ничего нет.

В современном мире религиозные проблемы чаще воспринимаются и реально проявляются в виде межрелигиозных и межконфессиональных противоречий, тогда как в России обостренное внимание к религии выражается в контексте ее соотношения с наукой и места в обществе.

Человеческое существование включает в себя материальную жизнь общества и человека, социальную жизнь как систему общественных отношений между людьми, духовную жизнь в виде общественного и индивидуального сознания, а также экзистенциальность, т. е. переживание индивидами своего существования. Общественное сознание отражает общественное бытие и является его регулятором: наука обеспечивает материальную жизнь людей, идеология декларирует формы социальной организации общества, право регламентирует нормативность отношений, а искусство, мораль и религия формируют человеческую экзистенциальность — задают сплав эстетического, нравственного и религиозного содержания в сознании человека.

Человеческое существование не является целостным и устойчивым, его вышеперечисленные элементы не находятся в гармоничном отношении друг с другом: наука не обеспечивает всеобщего равенства в возможности выживания, идеология обосновывает непримиримую борьбу за существование, право возводит в закон неравенство и насилие, а человеческая экзистенциальность постоянно напряжена противоположной направленностью движущих сил в самом ее фундаменте в лице теизма и атеизма, веры и неверия в чудо. Наука ориентирует на абсолютный прогресс, вселяет в человека оптимизм и уверенность в своих силах, непоколебимые в периоды устойчивости общественного развития. Религия акцентирует внимание на трудностях, она востребована в периоды кризисов и потрясений в качестве источника надежды на благополучный исход.

Традиционно наука отвергает религию, во-первых, содержательно — как искаженное отражение мира, а во-вторых, по общественной функции — обман, ложное учение. Но, несмотря на все большие успехи науки, религия не увядает и уверенно сосуществует с наукой. Историческое противостояние религии и науки не рассудить однозначно и даже просто не обсудить непредвзято, потому что не существует такого рационального видения мира, которое бы одинаково возвышалось над признанием и отрицанием существования сверхъестественных явлений бытия. А оппозиция религии и науки заключается именно в этом вопросе. История

показывает, что борьба науки с религией безрезультатна, дискуссия между ними бесплодна. Здесь требуется не изменение средств борьбы, а изменение взглядов на общество, переход к такой системе представлений о нем, в которой была бы преодолена сама альтернативность религии и науки, где борьба дополнилась бы единством.

Таким образом, надо разобраться в вопросе: наука и религия — это антиподы, взаимодействующие друг друга вещи или нечто единое? Применительно к объяснению природы они противоположны по исходной методологии, но их противоположность здесь относительна с позиций всеобщности, недоступной конкретно-исторической ограниченности познания. Собственно проблема возникает на почве понимания человека и общества. Наука связывает природу с наличием естественной закономерности и отвергает какое-либо духовное, действующее волевое начало в объективной реальности. Религия, напротив, провозглашает наличие объективно существующей сверхъестественной силы, определяющей упорядоченность, гармонию бытия. Однако в гносеологическом плане противоположность науки и религии относительна в силу исторической относительности самой истины независимо от ее мировоззренческой принадлежности. Иначе говоря, ни наука, ни религия не могут обеспечить абсолютную достоверность своих высказываний и требуют априорного признания некоторых исходных положений. Примером может служить проблема происхождения Вселенной, решаемая наукой с помощью гипотезы Большого взрыва, а религией — с помощью мифа о творении мира Богом, но в обоих вариантах решения не выходящая за рамки допущения.

Наука и религия одинаково стремятся к непостижимому: наука — к пониманию бесконечного мира, религия — к постижению абсолютного Бога. При этом освоение научного знания сопряжено с большим интеллектуальным трудом, тогда как для религии достаточно веры. В процессе научно-рационального проникновения в сущность вещей истина предстает изменчивой, относительной, но не теряет своей стройности и упорядоченности. Духовное религиозное напряжение в попытке умопостижения сути Божественного не ведет к рациональному

просветлению, а наоборот, при большем погружении затемняется большей неопределенностью.

Даже, казалось бы, в безусловном преимуществе науки, заключающемся в том, что она обеспечивает человека реальными ресурсами жизни, а не «кормит» его мифическими пятами хлебами, наука не имеет слова последней, потому что не в состоянии обеспечить всеобщее выживание людей, и дает основания для своего отрицания, поскольку в реализации своей производственной функции оказывается бессильной в предотвращении глобальных проблем, а к тому же предоставляет не только средства жизни (орала), но и средства смерти (мечи). Сциентизм, означающий не что иное, как веру в науку, находит свое отрицание в антисциентизме, т. е. в расшатывании этой веры. История демонстрирует изменение объекта и характера веры, но одновременно обнаруживает ее непреодолимость.

Что касается истолкования человеческого способа жизни, и в первую очередь духовности, человеческой экзистенциальности, т. е. истолкования человека как надприродного существа, то наука и религия здесь равноправны. Более того, религия здесь более активна и продуктивна, поскольку не только объясняет человеческую жизнь, но и задает ее позитивную практическую нормативность, например в виде заповедей, тогда как наука не в состоянии предложить ни то, ни другое. Естественного объяснения человеческому существованию как человеческому способу существования живого нет. Науке тут делать нечего, она не пытается объяснить смысловую функцию человеческого бытия, а скорее отрицает ее и не навязывает человеку проповедь, оставаясь в рамках чистой рациональности, объясняющей природные основания жизни людей. Но религия в отличие от интернациональной науки в своем поведырьском стремлении их приобщения к Божественной благодати не указывает путь к вселенскому братству, она всегда ограничена рамками избранности, за пределами которой людям, не охваченным этими рамками, отказывается в праве на человеческую жизнь.

Научное познание атеистическое по своей сущности. Научная рациональность охватывает природу, и в этой области наука и религия

несовместимы. Жизнь людей не имеет объективного основания и научного объяснения. Здесь действуют только технологии управления, теоретического объяснения нет, а есть мифы разной формы, и один из них — религия. Следовательно, в вопросе о человеке наука и религия не альтернативные антиподы. С одной стороны, они противоположны в том, что наука не дает человеку ни надежды на вечную жизнь, ни избавления от страха смерти, ни указания смысла жизни как бесконечно малого мига перед лицом вечности, наполненного пустой суетой и страданием, а религия все это предоставляет сполна и к тому же освобождает человека от конечной ответственности за свой грех, взятый Богом на себя. Тем не менее вера во всемогущество науки, по сути, совпадает с религиозной верой: достижение благодати откладывается на неопределенное будущее, на некоторое «потом», когда вечная благодать будет «там». Более того, наука и религия взаимодействуют и дополняют друг друга в виде своеобразного разделения труда в процессе бескомпромиссной борьбы людей за существование — религия обозначает своих и чужих, наука обеспечивает их средствами борьбы.

Таким образом, есть основания утверждать, что наука и религия все-таки являются антиподами, между ними не может быть мира. По отношению к природе они являются противоположностями в мировоззренческом и методологическом плане, а по отношению к человеку они противоположны предметно: наука не занимается экзистенциальными проблемами и иррациональностью вообще, а религия занимается.

В условиях глобализации, ведущей к формированию новой социальной реальности, стала понятной техносциентистская формула общества, в соответствии с которой общественное производство, независимо от уровня развития, принципиально не может обеспечить всеобщее выживание людей, из чего следует его насильственный характер и наличие в обществе отношения «цель — средство» в качестве фундаментального социального отношения. Эта формула не выводится как результат научного поиска, а является сугубо философским онтологическим продуктом, давая науке методологию исследования общественной жизни,

а религии — рациональную мировоззренческую схему, позволяющую освободиться от наивных и выдуманных рассуждений по поводу нормативности человеческой жизни. В частности, в техносциальную формулу органично вписываются понятия грехопадения, искупления, покаяния, жертвы и т. п. Она предоставляет равные возможности науке, религии и философии в построении объяснительных моделей человека.

Интерпретация библейских положений в контексте техносциальной формулы: наказание человека трудом (в поте лица своего) и бескомпромиссной борьбой с себе подобными за существование, не имеющее в конечном счете ни высшей цели, ни смысла, кроме самого существования как такового. Человек расплатился этим за свой человеческий способ жизни, т. е. за выход из естественно-природного равновесия на основе знания, за обретение самого знания и гордыню, выразившуюся в стремлении охватить своим знанием и преобразовать окружающий мир, подчинить себе природу. Получается, что первозданный рай — это не что иное, как естественная жизнь людей в их первобытном существовании. Обречение человека на труд связано с его переходом к цивилизации, производящему способу жизни. Таким образом, первородный грех заключается в попытке вырваться за пределы естественно-природного равновесия, наказанием за что и стал не имеющий конечного позитивного результата труд.

Для того чтобы жить по определенным правилам, надо сначала просто жить, т. е. прежде чем говорить о нормах совместной жизни людей, нужно определиться с законом самой их жизни как таковой. Одно дело, когда не объяснить смысл материального существования человека в рамках абстрактного абсолютистско-прогрессивистского подхода, предполагающего отсутствие границ расширения материально-предметной жизни и достижение гипотетического коммунизма, когда человеку доступно абсолютно все, однако он не превосходит своей бесконечной малости перед лицом бесконечного универсума. Но совсем другое дело, когда в контексте действия техносциальной формулы материальная жизнь человека не может состояться вне борьбы с себе подобными, вне превращения

одного человека в средство существования другого человека, когда смысл жизни видится уже не просто в самой жизни, а в бесконечной бескомпромиссной борьбе за нее, смысл которой не объяснить уже потому, что сама жизнь не имеет смысла. Религия не дает объяснения существования человека, она лишь оправдывает его и призывает к смирению с безысходностью своего бытия.

Ощущение действия техносциальной формулы отражается в лозунге гуманизации общественного сознания, идее антропологического поворота в философии и прочих вариантах обращения к проблеме человека. Оно означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни.

Историческая необходимость религиозного оформления социальной жизни вытекает не из результатов абстрактного спора о признании или отрицании существования Бога как такового, а из практики социальной борьбы. Столкновение социальных интересов — это в конечном счете столкновение в борьбе за выживание, которая объективно бескомпромиссна и потому абсолютна. Она не имеет рационального обоснования вне самого факта стремления к жизни и нуждается в опоре на идеологический абсолют, такой же всеобщий и универсальный, как сама борьба за выживание. Борьба за своего Бога есть борьба за свое исключительное право на жизнь, и наоборот, борьба против чужого Бога есть оправдание борьбы против чужой жизни. Религия является всеобщей, универсальной идеологической формой, отражающей социальный интерес. Столкновение социальных интересов наиболее последовательно отражается в сознании как борьба религиозных идей. Других устойчивых форм идеологического противостояния людей цивилизация не придумала.

Признание или отрицание существования Бога есть всего лишь разные объяснительные модели бытия. Применительно к природе они относительно противоположны, а применительно к человеку критерии их разделения отсутствуют. Кто ответит на вопрос: что такое человек? Ученый, богослов или философ? Что есть начало человека — его природа или сущность? Наука выдвигает на первый план природу человека, его существование, а сущность науке неподвластна, поскольку она выражается не в самом существовании, а в его переживании человеком. Поэтому не случайно в рамках богословия речь идет о метафизической природе человека, которая и есть его сущность.

Человек всегда был загадкой для самого себя. Если оставаться в рамках абсолютистского прогрессивизма, то будет бесконечное плетение интеллектуальных кружев в понимании человека при отсутствии единых исходных посылок в его рассмотрении, без достоверных критериев истинности. Надо идти вперед и сформулировать исходную онтологическую посылку, снять ореол загадочности с человека, а потом уже решать проблему его понимания. Иначе говоря, следует отказаться от бесконечного плетения узоров в поиске путей к объективно заданному бытию человека и перейти к решению проблем единения людей при отсутствии самой заданности его. Но поскольку рационально обосновать человеческий способ существования живого невозможно, а жить совместно и выстраивать отношения надо, то нужно иметь некие позитивные допущения, — здесь неизбежно на первый план выступает богословие.

Единство науки и религии означает социально обусловленное единство рационального и мистического в отношении к человеку, поскольку без рационального (в настоящее время научного) невозможно обеспечить материальное существование, а без мифологического, неизбежно приобретающего мистические формы, не обозначить целевые ориентиры человеческой жизни, и следовательно, не иметь мотивации, движущей силы индивидуального и общественного развития.

Тем не менее наука изначально характеризуется единством картины мира, культура также все более интернационализируется и приближается к единству, разобщенными остаются

религии (церкви как социальные институты, задающие формы социальной организации), именно они остаются сферой идеологической борьбы общностей за существование. Это совсем не отвлеченный вопрос, от него не могут остаться в стороне ни ученый-теоретик, ни инженер-практик. В безмерном пространстве человеческого бытия нет ни истинных, ни ложных направлений жизни, а есть только сама жизнь, являющаяся ценностью сама по себе и в самой себе содержащая цель и смысл. Разные формы объяснения мира делятся не на более или менее истинные, а на более или менее эффективные в качестве средства выживания.

Человек, осознающий действие техносциальной формулы, оказывается неспособным к определенной целенаправленной деятельности, поскольку любое действие, даже в рамках открыто заявленного стремления к превращению окружающих людей в средство собственного существования, не имеет рационального обоснования, оказывается бесцельным и бессмысленным. Рационально обосновать деятельность целеустремленность, активность жизненной позиции вообще невозможно. Человек активно действует только в мифе, независимо от средств его формирования в общественном или индивидуальном сознании, будь то психотерапия, действие галлюциногенов, церковная проповедь или речь вождя-параноика. Любая вера иррациональна, но только она обеспечивает обоснование человеческой активности. Отсутствие веры обуславливает отсутствие воли к жизни, поскольку без духовной составляющей простая организменная воля слепа. Соединение сильной веры и сильной воли дает нам целеустремленную, деятельностьную личность.

В прогрессивистской модели не требуется идея Бога. Вера в прогресс компенсирует страх и отчаяние перед неизбежностью смерти индивидов, жизнь которых вписывается в общую линию бесконечного прогресса и тем самым обретает смысл. Однако идея прогресса имеет объективных оснований не больше, чем идея Бога. Но в бесконечный прогресс недостаточно верить, его надо рационально обосновать, а идея Бога требует только веры.

Наука не является общечеловеческой, она есть арена соревнования и средство борьбы за выживание, у кого больше успехов в науке, тот

и побеждает. Религия тоже не может быть общечеловеческой, она тоже арена соревнования и средство борьбы за выживание, у кого более совершенная религия (идеология), тот и побеждает. Религия функционирует и как духовная компенсация невозможности всеобщего выживания (вера), и как орудие борьбы за выживание (идеология). Людям дана одна Земля. Наука не может обеспечить существование на ней всех людей. Для религии вопрос: может ли она обеспечить единство людей в Боге, компенсирующее невозможность их единства на Земле?

Наука и религия одинаково направлены на решение проблемы будущего. Как компенсировать ограниченность жизни? Человек хочет иметь будущее, он хочет жить вечно, главное для него — проблема смерти. Наука и религия дают ему надежду, но предлагают разные модели, указывают разные пути: религия — в вечной жизни на небе, атеистическая наука — в вечном прогрессе на Земле. Религия не может обойтись без веры в сверхъестественное, научный атеизм не может рационально обосновать сущность человеческой жизни. Следовательно, религия и наука — не союзники и не враги, они не могут опровергнуть друг друга.

Для того чтобы действовать, человек должен во что-то верить, на что-то надеяться и что-то любить, т. е. к чему-то стремиться. Наука не может объяснить ничего из этих трех вещей. Более того, наука не может обеспечить всеобщего выживания. Человек обречен на бескомпромиссную борьбу за существование и ищет оправдание этой борьбе. Победители и побежденные ищут объяснения своему положению как объективной данности.

Переход от животного к человеческому способу существования живого, вершиной которого является переход к цивилизации с ее фундаментальным социальным отношением в виде разделения людей на цель и средство, сопровождался возникновением веры в иной мир, подземный или небесный, компенсирующий тяжесть реальной земной жизни. В животном состоянии нет внутривидового разделения на цель и средство, животное не противопоставлено природе, оно погружено в нее и не различает в своем существовании состояния жизни и смерти. Для дикого человека смерть представлялась переселением

души в иной мир, не лучший и не худший. На ранних этапах цивилизации понимание другого мира как подобия (продолжения) земного не имело ценностного содержания, иной мир тоже не был ни лучше, ни хуже реального земного, потому что жизнь еще не стала самоценностью. Она становится ценностью в зрелой цивилизации с ее классическим разделением людей на цель и средство. У людей-средств рождается вера в лучший мир, надежда на изменение своего положения в нем. Жизнь провозглашается ценностью, но на Небе, а не на Земле.

В дальнейшем по мере прогресса в предметном наполнении человеческого существования земная жизнь становится все более ценной. В современном обществе массового потребления ценность небесной жизни полностью вытесняется ценностью земной. В вопросах религии остаются две основные проблемы:

- религии как источника цели и смысла человеческого бытия, его нормативности;
- религии как источника социальной энергии, пассионарности, т. е. религии как средства, орудия борьбы за выживание.

Марксовское определение религии как опиума для народа очень точное. Наркотик является обезболивающим средством, он необходим, без него пока что не обойтись. Но одновременно это великое зло. Применительно к человеческой жизни, ее переживанию аналогично положение веры, без которой человеку не обойтись, потому что человек живет будущим (в этом еще одно существенное отличие человека от животного). Жизнь будущим есть следствие непреодолимого дефицита жизни в настоящем. Животное живет настоящим, ему не надо выходить из сферы бытия в природе, оно живет реакциями на воздействие среды. Если бы жизни хватало, человек не выделился бы из природы, т. е. не вышел бы за пределы естественно-природного равновесия. В животном мире лишние просто погибают, а человек нашел способ жизни, позволяющий не погибать всему лишнему, а расти.

Универсальной формой измененного сознания является религия, которая позволяет обреченным оправдать свое прозябание. Вместе с тем она в отличие от алкоголя и наркотика не лишает человека возможности активного социального действия, направленного на обе-

спечение своей жизни. Поэтому определение религии как опиума для народа имеет под собой объективные основания, но недостаточно корректно. Она представляет собой наименее опасную непосредственно для жизни форму зависимости, но вне своих крайних форм.

Главная проблема в поиске единого пространства науки и религии заключается в несовместимости научной и религиозной картин мира, здесь возможен только конвенциональный компромисс. С одной стороны, наука не признает сверхъестественного бытия, тогда как для религии вера в него является исходной посылкой. С другой стороны, в научной картине мира нет места человеческому способу существования живого, поскольку оно не имеет объективных оснований в природе, а для религии человеческая экзистенциальность составляет главный предмет рассмотрения, при этом главной функцией религии является установление нормативности человеческой жизни. Соответственно процесс секуляризации сознания происходит не под воздействием науки, а обусловлен самой социальной реальностью, которая в своем развитии все более разрушает нормы в качестве незыблемых абсолютов и сводит их к относительности и простой условности неких правил жизни, вырабатываемых для регулирования совместной жизни людей и служащих средством борьбы за существование.

Свобода человека является абсолютной в плоскости абсолютности его единственности существования самого по себе, поскольку нет объективной заданности человеческого бытия, кроме самого факта существования как такового. Объективный критерий в самом существовании. Однако людей много, и все стремятся к существованию, но на всех средств жизни не хватает, выживание всех не обеспечить. Следовательно, объективный критерий нормативности — борьба за существование. Здесь свобода делается относительной, потому что в борьбе кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, все победителями быть, т. е. выжить, не могут. Коммунистический централизм лишает свободы всех в пользу некоего общего дела, либерализм, напротив, предоставляет свободу каждому, но в том и другом случае реальная свобода достается только отдельным.

Проблема сопоставимости религий в понимании нормативности. Либерализм заменяет религиозную нормативность правами человека. В контексте техносоциальной формулы общества различия представляются относительными. В этом контексте так называемой общечеловеческой морали не может быть по определению, ибо критерий нормативности — выживание. Поскольку всеобщее выживание невозможно, постольку не может быть и всеобщей, общечеловеческой нормативности.

Можно ли обойтись без религии в установлении нормативности? Можно, если такая нормативность будет общепризнанной безусловно. Здесь должна быть устойчивость, историческая преемственность. Ею в наибольшей степени обладает религия. Тем не менее в глобализирующемся мире права человека становятся более предпочтительными. Человек — гражданин мира, он сам выбирает общность — семью, корпорацию, страну. Это тоже миф, но светский, заменяющий веру в сверхъестественное верой в утопическое бытие.

Общество не может состояться без нормативности, всеобщей формой которой является мораль. Право провозглашается на основе морали и означает насилие, осуществляемое от имени всех или большинства. Разумеется, нормы могут нарушаться, но они не отрицаются по существу или по-разному интерпретируются в конкретизации добра и зла. Общепринятым является утверждение о том, что мораль вытекает из практического опыта совместной жизни. Но ее кто-то должен озвучивать и хранить.

Собственно проблема регулирования совместной жизни состоит не в трудностях организации общего действия, а в противоречии между необходимостью совместности (множественности существования) и единственностью индивидуального бытия (человек обладает индивидуальностью существования, он не может слиться с другими, передать или принять чужую боль, радость и т. п.). Человек стремится найти некую абсолютную опору, объективное основание в бытии, чтобы не раствориться бесследно в пустоте и бесконечности. Смысл жизни и состоит в том, чтобы укорениться в бытии. Здесь открываются две возможности: прогрессивистская (светская) и религиозная.

Прогрессивистская модель всеобщей нормативности опровергается техносоциальной формулой общества, религиозная отвергается научным познанием. В настоящее время предлагается следующая схема: религия, несмотря на свою мистичность, мифологичность, остается единственной хранительницей позитивной нормативности, а по сути — всей духовной культуры, сущность которой состоит в нормативности.

Но нельзя ли вообще обойтись без религиозности в обосновании нормативности? Осознать действие техносоциальной формулы общества и согласиться с тем, что жизнь конечна и не имеет объективно заданных цели и смысла. Вместе с этим осознанием отвергается какое бы то ни было объективное основание нормативности. Живи, как хочешь. Но жизнь — борьба. Хочешь — участвуй в ней, не хочешь — уйди. Если участвуешь, то какое место хочешь занять, к такому и стремишься. Иначе говоря, абсолютная свобода воли, ограничиваемая лишь другими волями. При такой постановке общественное устройство, в том числе и нормативность, будет определяться более сильными группами. А внутри самих групп — отбор в борьбе между индивидами. Общество не распадется, стихийно действующий инстинкт жизни не позволит. Массовое сознание стихийно складывается и навязывает ценности, главной из которых является сама жизнь.

Абстрактное общество может обойтись без религии. Более того, оно реально существует по этой безрелигиозной (безнормативной) схеме, но опосредованно, через религию, востребованную в качестве удобной оболочки. Казалось бы, общество может отказаться от этой оболочки и перейти к непосредственной организации жизни, непосредственной нормативности. Но этого не происходит. А ведь непосредственная нормативность уже была в прошлом, в диком обществе. Но оно перешло к ее опосредованию не в поиске нормативности как таковой, а как орудия в борьбе за существование. Придет ли общество к всеобщей форме опосредования нормативности, т. е. к всеобщей религии, это другой вопрос.

Самостоятельный предмет исследования — нормативность в разных религиях. В общем виде она одна и та же, но интерпретация разная.

Везде провозглашаются Бог, Добро, Любовь, а люди друг друга убивают с осознанием своей исключительности в праве на жизнь. Можно предположить, что подлинный смысл секуляризации не в отрицании Бога, а в стирании различий в его интерпретации.

В настоящее время в вопросе о соотношении науки и религии в плоскости их гипотетического сближения наиболее популярны два встречных подхода: сведение науки к религии, выражающееся в последнем и главном ее достижении — приход к идее Бога, Творца; сведение религии к науке, выражающееся в долгожданном научном доказательстве бытия Бога.

Сущность религиозной веры составляет вера в объективно заданную нормативность. При этом главное заключается не в убеждении правильности самих норм, а в неотвратимости санкций (наказания) за их нарушение. Человек обладает свободой воли, он волен нарушать нормы, но он знает о последствиях нарушения.

Без Бога все можно по двум обстоятельствам:

- нет объективных оснований самих норм;
- нет субъекта наказания (некому наказывать).

Если провозгласить некую общечеловеческую нормативность, то она окажется всего лишь навязыванием норм одних людей другим. В принципе это возможно, например в условиях культа личности. Однако личности меняются, историческая преемственность нормативности не обеспечивается.

Возможно рассуждение: «Люди нуждаются в устойчивой определенности жизни, некой всеобщей нормативности. Ее может дать только религия, поэтому пусть она будет». Но реально религия оказывается средством борьбы одних против других. Она провозглашает самые общие, абстрактные нормы, которые можно наполнить каким угодно конкретным содержанием. Единого Бога нет не из-за людей, а из-за вещей.

Сосуществование науки и религии не в том, чтобы веру подкреплять знанием, пытаться найти научные доказательства чудес или, наоборот, допускать сверхъестественное в объяснении естественного. Не может атеист частично становиться верующим, а верующий

частично становиться атеистом. Компромисса между наукой и религией не может быть. Наука холодна и бесстрастна, она не рождает Надежды на спасение и не ведет к успокоению. Религия же в ее обнадеживании объективно лицемерна. Спор атеиста и верующего должен состоять не в вопросе о существовании Бога, а в вопросе о человеческом существовании с Богом или без него. Человеку необходим Абсолют как система координат его жизнедеятельности, только в этом случае он будет жизнеспособен. Абсолют атеиста состоит в неограниченном прогрессе, но техносциальная формула общества показывает иллюзорность этого Абсолюта и разрушает его.

Никакой взаимодополнительности в научном и религиозном понимании природных оснований существования человека не может быть в принципе. Речь идет не об абстрактном подходе к проблемам возникновения мира и человека. Наука никогда не выйдет за пределы гипотетичности того и другого, и вопрос о том, как возникла природа (Вселенная), — то ли в виде взрыва, то ли как акт творения Бога, т. е. с точки зрения конкретного механизма, — не имеет значения. В объяснении закона бытия есть теизм, пантеизм, деизм и атеизм. Противоположность теизма и атеизма в исходной методологии — либо признаем сверхъестественное и можем только верить в него, либо не признаем и ищем объективные законы природы.

Но в вопросе о существовании человека с точки зрения нормативности его бытия наука бессильна. Она может гипотетически объяснить его генезис и эволюцию, обозначить законы материально-предметной жизни, вытекающие из законов природы, но объяснить нормативность человеческого бытия, смысл и цели человеческого существования наука не может. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, борющихся друг с другом за свое существование. В природе нет объективного источника нормативности и смысло-жизненной заданности человеческого существования. Таким источником морали и опирающегося на нее права может быть только религия.

В обсуждении вопроса о соотношении науки и религии наблюдаются две крайности:

- полное отрицание позитивной роли религии в общественном сознании в век науки,

сопровождающееся ее признанием в качестве сферы познания и его организующего начала в более ранние периоды истории;

- попытка соединить науку и религию, естественное со сверхъестественным.

Наверное, более корректно объединять не естественное со сверхъестественным, а материальное и духовное содержание человеческой жизни. Наука — источник материального. В абсолютистской (прогрессивистской) модели общества можно обойтись без Бога, поскольку, во-первых, в рамках прогресса человеческая жизнь приобретает цель и смысл, человек сам становится всемогущим (Богом), а во-вторых, в рамках прогресса можно преодолеть разобщенность людей, добиться всеобщего единства. Но это утопия. Человек обречен на вечный дефицит ресурсов жизни и вечную борьбу (с природой и друг с другом) за существование. В Боге человек находит пристанище, черпает духовные силы, обретает смысл жизни, веру в возможность спасения перед лицом вечной тьмы и пустоты. Вера дает оправдание борьбы людей за выживание и силу в этой борьбе (с природой и другими людьми).

Духовно развитый человек нуждается в вере, но не всегда обретает ее. Человек, доросший до потребности в вере, но не обретший ее, обречен на вечное сомнение и смятение. До веры можно дорасти, обрести и погрузиться в нее, но ее нельзя перерасти, т. е., обретя веру и погрузившись в нее, нельзя выйти или отказаться от нее и даже просто потерять. Тем более веру нельзя поменять, она не может быть истинной или ложной, она либо есть, либо ее нет. Вера в конечном счете состоит не в признании чуда самого по себе, а в признании объективного существования любви и добра, в которые можно только верить. Надо жить по вере, но она не должна быть слепа, нельзя непосредственно и буквально руководствоваться религиозными догмами, потому что в этом случае человеку, по меньшей мере, будет трудно достигать своих целей в жизни, а в худшем случае он рискует превратиться в игрушку в руках зла.

Постоянно стоящая перед человеком проблема выбора — выбор между добром и злом, в котором человек абсолютно свободен. Выбор означает не то, что Бог не все предусмотрел (свободен или несвободен человек от Божественной

предзаданности), выбор в том, по Богу или Дьяволу жить и действовать? Альтернатива здесь проста: человек — живое существо, сначала он должен просто жить, а уж потом переживать. Но именно по вопросу о возможности жизни выстраивается система отношений между людьми. О духовных проблемах можно говорить как о самостоятельных сущностях лишь при решении материальных проблем выживания. Если же духовное сделать независимым, оторвать от материального, то они лишаются оснований и превращаются в обыкновенное кликушество.

Наука не дает ни смысло-жизненных ориентиров существования, будь то отдельный индивид или общество в целом, ни социальной нормативности, источником которой является религия. Важно отметить, что нормативность нужна в дифференцированном обществе, она есть регулятор различия мест в социальном пространстве, а там, где все одинаковы, нормативность не нужна. Религия — не только миф сам по себе, она есть результат обобщения опыта нескольких тысячелетий совместной жизни людей. Рационально социальную нормативность не обосновать именно в силу социальной дифференцированности общества, она может быть всеобщей только в форме мифа. Чем более общество глобализируется, тем более важной становится религиозная функция социализации людей.

Мы, люди XXI столетия, живем в век науки, которая стала главным, если не единственным, источником получения ресурсов жизни. Но наряду с научной заданностью предметного содержания наша жизнь продолжает оставаться религиозно оформленной. Наука обеспечивает материальное наполнение человеческой жизни, открывает источники ресурсов в природе, религия формирует духовную жизнь, указывает объективные основания человеческого способа существования живого, его правил и смысла.

Главный Божественный призыв — любовь. Но техносциальная формула общества является непреодолимым препятствием всеобщей любви людей друг к другу. Можно сказать, что эту формулу Бог установил для людей в качестве вечного испытания их способности оставаться людьми в условиях бескомпромиссной борьбы за существование. Или он наказал их формулой на вечный бессмысленный труд и

вечную гонку друг за другом по раскручивающейся спирали избыточного существования. В таком случае всякая попытка преодоления техносциальной формулы или установления всеобщего равенства и братства вопреки формуле должна рассматриваться как вызов и бунт против Бога, подавляемый им с помощью все новых и новых испытаний. Или возможна иная интерпретация обреченности людей на бескомпромиссную борьбу друг с другом, на которую их толкает Дьявол искушением к богатству и власти, вопреки Богу, призывающему к любви и смирению. Техносциальная формула общества делает добродетель всеобщей любви недоступной, а зло всеобщей борьбы реальным. В обусловленном формулой разделении людей на своих и чужих Бог призывает относиться ко всем людям как к своим, как к целям, а Дьявол искушает отношением к людям как к чужим и в качестве средств.

В соответствии с действием техносциальной формулы в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т. е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и борющихся друг с другом людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Религия причудливо соединяет в себе отрицание суеверий и колдовства с верой в сверхъестественное. По мере рационализации человеческой жизни, казалось бы, можно предположить эволюцию религии в сторону признания условности чуда и таинства. Однако, во-первых, это была бы уже не религия в строгом смысле этого слова, а во-вторых, сверхъестественна сама человеческая жизнь в той мере, в какой она приобрела сверхприродный характер и не поддается научному объяснению в своей смысло-целевой направленности независимо от успехов науки в познании естественного мира.

Проблема Бога заключается не в признании или отрицании его существования, а в признании или отрицании его необходимости. При абстрактном онтологическом подходе во-

прос о существовании Бога неразрешим, его существование не доказать и не опровергнуть, поэтому спор о нем в таком плане бесполезен. Однако без того или иного допущения не обойтись, поскольку не обойтись без исходных методологической и мировоззренческой посылок. Методологическая посылка необходима для рационального объяснения мира, мировоззренческая – для его социального и экзистенциального рассмотрения. Если Бога нет, значит, в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. В модели, признающей абсолютный прогресс, Бог не нужен. В релятивистской модели без Бога не обойтись, потому что он средство оправдания всего, включая саму жизнь.

Таким образом, религия и наука должны быть разведены в сознании людей по разным

местам и не мешать друг другу в удовлетворении человеческих потребностей, главной из которых является сохранение и продолжение жизни. В их историческом соревновании объективно не может быть ни победы, ни поражения.

Понятие научного атеизма некорректно, но не потому, что наука отвергает существование Бога, хотя и не может ни эмпирически, ни теоретически обосновать его отрицание, а потому, что наука вообще не занимается трансцендентными сущностями (сверхъестественным). Атеизм самостоятельно выступает от имени науки.

Рациональное, формально-логически последовательное описание человеческого переживания своего существования невозможно, оно само неизбежно будет переживанием. Иначе говоря, описание или объяснение проповеди само неизбежно будет проповедью.

УДК 100.32

О.В. Канунникова

МЕТАЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Одной из актуальных проблем современной философии науки является вопрос о способах образования абстракций в гуманитарном познании. В качестве непосредственного объекта исследования в науках о человеке, культуре и обществе выступает текст как «материя» гуманитарного знания, что создает определенные трудности построения теории и требует «спецификации понятийного аппарата методологии» [1, с. 257]. В связи с этим для развития и осмысления гуманитарных наук необходим поиск особых приемов и процедур образования абстракций, построения гуманитарного теоретического знания.

В истории философии науки в анализе и обобщении знаний о явлениях окружающего

мира использовались различные способы и приемы абстрагирования. Классической эпистемологии, главная задача которой разработка норм и правил для обоснования и развития познавательной деятельности, было свойственно применение формально-логического способа образования общих понятий через род и видовое отличие.

Неклассическая теория познания характеризуется расширением предметного поля исследования, изменением понимания степени и характера научности различных форм знания. Поэтому для образования абстракций в гуманитарных науках используется иной способ – метаязык.

Предпосылкой создания метаязыка как способа абстрагирования явились идеи Р. Декарта,